

Владимир Рафаилович Зотов

<О рассказе Л. Толстого "Севастополь в августе 1855 года">

Критика 50-х годов XIX века / Сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева.-- М., ООО "Издательство "Олимп"", ООО "Издательство "Аст"", 2002. (Библиотека русской критики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

Первое место в двух первых книжках "Современника" принадлежит новому рассказу графа Л. Н. Толстого *"Севастополь в августе 1855 года"*. Это один из тех рассказов, которые, сохранив для потомства характеристические стороны нынешней войны, в то же время останутся образцом литературных произведений по простоте и безыскусственности языка, по художественной обработке, по умению автора возбуждать и приковывать к себе интерес читателя изображением происшествий и типов, по-видимому, весьма обыкновенных, но, в сущности, обличающих в писателе замечательное дарование выбирать и передавать такие типы и происшествия. Все помнят, конечно, первый рассказ графа Толстого, описывавший Севастополь в декабре 1854 года. В свое время мы отдали подробный отчет о произведении, сильно подействовавшем на читателей. Нынешний рассказ, представляющий последние минуты героической защиты города, павшего с такою славою, производит впечатление еще сильнее, хотя и не передает картины последнего приступа, последних отчаянных усилий союзников, взятие Малахова кургана и оставление нашими войсками южной части города. Не касаясь всей исторической, стратегической и официальной части осады, автор изображает внутренний, вседневный и закулисный быт защитников города, их чувства и положения. Он не прибегает ни к каким запутанным интригам или романическим изобретениям в своем рассказе; лица, действующие в нем, не отличаются необыкновенными подвигами, изумительной храбростью -- они просто и спокойно исполняют то, что считают своим долгом, не рискуя из хвастовства жизнью, но и не жалея об ней, не думая о смерти, не заботясь об опасности, но и не фанфароня перед смертью и опасностью. Герой рассказа, "молоденький офицерик", только что выпущенный из корпуса, Володя Козельцов, занят только одною мыслью в страшный день приступа: он боится струсить. И зато как он доволен и счастлив, чувствуя утром 27 августа, "что хотя чувства страха опасности и еще более того, что он будет трусом, беспокоили его еще, но далеко не в той степени, в какой это было накануне. Отчасти причиной тому было влияние дня и деятельности, отчасти и главное то, что страх, как и каждое сильное чувство, не может в одной степени продолжаться долго. Одним словом, он уже успел переболеться". Несмотря на эту так верно подмеченную черту, Козельцову умирать не хочется: он еще так мало знает жизнь. В последних числах августа, на последней станции под Севастополем сошелся он с старшим братом, давно уже принадлежавшим к числу севастопольских защитников, но бывшим в отпуску для излечения раны. Володя Козельцов приезжает в Севастополь вместе со старшим братом, они давно не видались и любят друг друга, но общего между ними мало; самое первое свидание вышло у них как-то неловко; оба запнулись на третьем поцелуе, как будто обоим пришло в голову: зачем же непременно целоваться три раза? Настроение духа Володи вовсе не веселое. Мечты его на первой поре вертятся на том, что брата убьют подле него на вылазке, что сам Володя бросится отомстить за смерть его, разобьет всю французскую армию и умрет подле окровавленного трупа брата, сказав окружающим: "да, вы не умели ценить двух человек, которые истинно любили отечество; теперь они оба пали". Мечты молодого человека сбываются, хоть и не вполне так, как он воображал. Брата его ранят на 5-й батарее, и он умирает на перевязочном пункте; самого Володю убивают на небольшой мортирной батарее, при занятии ее французами. Рассказ оканчивается картиной перехода наших войск через бухту на Северную сторону.

Вот и все незатейливое, немногосложное содержание нового рассказа графа Толстого. Но рассказ этот замечателен не своим содержанием, а подробностями и типическими изображениями русских солдат и офицеров. На Северной стороне, куда сначала приезжают братья, прекрасно обрисованы обозный офицер и комиссионер, потом являются на сцену батарейный командир и артиллерийские офицеры, командир 5-го бастиона, юнкер Вланг, с своей добродушной физиономией, бессознательной храбростью и привязанностью к Володе Козельцову, штабс-капитан Краут, русский немец, "практичный в высшей степени, как все русские немцы, по странной противоположности с идеальными немецкими немцами".

Типы солдат очерчены также художнически: Васин, Мельников, их разговоры и шутки, все дышит истинною жизнью, неподдельною натурою.